

Глава IV

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В АМЕРИКУ

Сотрудники Императорской Академии наук стали принимать участие в экспедициях по исследованию России и сопредельных территорий сразу после основания академии в 1724 г. Достаточно напомнить об академическом отряде Второй Камчатской экспедиции В.Й. Беринга — А.И. Чирикова, в состав которого входили Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, И.Э. Фишер, Г.В. Стеллер, С.П. Крашенинников. В период с 1733 по 1744 г. они провели научные исследования в Сибири и на Аляске. В 1784–1794 гг. в составе Северо-Восточной географической экспедиции И.И. Билингса — Г.А. Сарычева работал научный отряд под руководством натуралиста К.Г. Мерка.

В начале XIX в. сбором различных коллекций по заданию ИАН занимались участники русских кругосветных и полукругосветных морских экспедиций, которые отправлялись из Кронштадта на Аляску и Камчатку. Главным правителям Русской Америки от имени ИАН неоднократно посылались наставления по сбору «предметов естественной истории». В 1834 г. несколько экземпляров отпечатанных в типографии «наставлений» получил Фердинанд Петрович Врангель. Он переслал эти инструкции правителям контор Российско-Американской компании на Кадьяке, Уналашке, Атке и в Калифорнии. В 1838 г. главное правление Российско-Американской компании в Санкт-Петербурге получило от ИАН отношение с просьбой прислать череп и кости морской коровы. Это отношение было отправлено в Ново-Архангельск главному правителю Ивану Антоновичу Купреянову (Куприянов, 1799–1857). Видимо, ожидаемого результата от таких обращений ИАН не получила. Со временем назрела необходимость проведения комплексных научных исследований в Америке, главным образом для сбора естественно-научных коллекций. Поэтому в первой половине XIX в. ИАН организовала несколько самостоятельных экспедиций по исследованию природы и населения Америки.

Экспедиция Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1822–1829)

Натуралист **Григорий Иванович Лангсдорф** (1774–1852) в 1803–1804 гг. принимал участие в первой русской кругосветной экспедиции на судне «Надежда» под командованием И.Ф. Крузенштерна. В 1805–1806 гг. он посетил Русскую Америку. В 1808 г. Г.И. Лангсдорф получил звание адъютанта ИАН. В сентябре 1812 г. его назначили генеральным консулом Российской империи в Бразилии. Находясь в Бразилии в период с 1813 по 1820 г., Г.И. Лангсдорф поддерживал постоянную связь с ИАН и неоднократно отправлял в Санкт-Петербург ботанические и зоологические коллекции. В марте 1821 г. он вернулся в Россию. Г.И. Лангсдорф представил проект проведения комплексной экспедиции по изучению природы и населения Бразилии, который был утвержден Александром I. В состав первой русской экспедиции в Южную Америку, помимо Г.И. Лангсдорфа, вошли натуралисты Э.П. Менетрие и Л. Ридель, художник И.М. Ругендас и астроном Н.Г. Рубцов. Хорошее финансирование и материальное обеспечение экспедиции вызвали к ней большой интерес немецких ученых. Натуралист В.Ф. Карвинский в 1821 г. выражал желание работать в ее составе, но к тому времени штат экспедиции был укомплектован.

Участники экспедиции прибыли в Бразилию в 1822 г., однако настоящие экспедиционные исследования начались в апреле 1824 г. в провинции Минас-Жерайс. В селении Президиу 12 июня произошла первая встреча с индейцами короадо: «В полдень мы встретили здесь много индейцев, которые по воскресеньям приходят сюда на мессу, все хорошо одеты и чаще пьяны. Ругендас, Ридель и Менетрие выехали сюда раньше и сделали несколько записей их слов» (цит. по: [Комиссаров 1977: 40]).

В начале октября между Г.И. Лангсдорфом и И.М. Ругендасом произошел конфликт. Художник покинул экспедицию, забрав с собой в нарушение договора большую часть рисунков. В начале марта 1825 г. участники экспедиции вернулись в Рио-де-Жанейро. Во время этой поездки Г.И. Лангсдорф посетил индейские племена коропо, короадо, пури, машакали. В 1827 г. И.М. Ругендас опубликовал свои рисунки в Германии в виде отдельного альбома [Rugendas 1827]. Б.Н. Комиссаров отметил: «Публикация бразиль-

ских рисунков Ругендаса не отличалась, однако, научными достоинствами. Художник (кстати, даже не упомянувший о своем участии в русской экспедиции) не смог снабдить альбом полноценными пояснительными текстами. Их написал его друг В. Губер, но сделал это крайне неудачно: ни он, ни Ругендас не позаботились о том, чтобы подписи под рисунками отражали их содержание, чтобы работы были датированы; не всегда точно указывалось, к какому географическому району относится данное изображение; об индейцах говорилось в общей форме, без указания отдельных племен» [Комиссаров 1977: 67].

В июне 1825 г., по истечении срока пребывания в экспедиции, уехал в Россию Э.П. Менетрие. Для дальнейших исследований Г.И. Лангсдорф привлек французских художников А.А. Тонэя, Э. Флоранса и немецкого натуралиста Х. Гассе. 22 августа экспедиция отправилась в провинцию Сан-Паулу, где ученые работали до июня 1826 г. Затем из городка Порту-Фелис они совершили плавание по рекам в Куябу — столицу провинции Мату-Гросу. Пройдя около двух тысяч километров по рекам Тиети, Парана и Рио-Парту, 27 сентября экспедиция достигла поместья Камапуан, расположенного на границе провинций Сан-Паулу и Мату-Гросу. Здесь участники экспедиции задержались на полтора месяца. В дальнейшем маршрут проходил по рекам Такуари, Парагвай и Куяба. Во время плавания по реке Парагвай в период с 18 декабря по 18 января 1827 г. экспедицию сопровождали две группы индейцев гуано и гуато. 18 января 1827 г. экспедиция достигла конечного пункта путешествия — города Куяба, всего было пройдено около четырех тысяч километров. В первой половине 1827 г. проводились исследования в окрестностях г. Куябы.

Последнее путешествие Г.И. Лангсдорфа по неисследованным районам Бразилии началось 20 ноября 1827 г. Он разделил свой отряд на две группы. Л. Ридель и А.А. Тонэй отправились по суше в город Манаус. Второй отряд во главе с Г.И. Лангсдорфом должен был прибыть в этот город речным путем. В декабре 1827 г. Л. Ридель и А.А. Тонэй провели исследования в селении бороро Пау-Секу, где художник сделал несколько зарисовок индейцев. Г.И. Лангсдорф со своим отрядом отправился по реке Рио-Прету к Амазонке. В период с 30 марта по 2 апреля 1828 г. участники экспедиции посетили несколько селений индейцев апиака. 11 апреля они достигли места слияния Рио-Прету и Журуэна и провели

здесь три дня в селении апиака. К этому времени из 34 участников отряда Г.И. Лангсдорфа 19 были больны тропической лихорадкой, включая руководителя экспедиции. 8 мая состояние Г.И. Лангсдорфа значительно ухудшилось. Н.Г. Рубцов писал: «Григорий Иванович день за днем становился хуже, и я даже не имел надежды прибыть с ним в город Сантарен. Он, чувствуя то же самое, призвав меня, объявил, что жизнь его непродолжительна, препоручив мне заниматься в его должности и все вещи, принадлежавшие к натуральной истории, отослать в С.-Петербург. Через несколько дней начал он мешаться в разуме» (цит. по: [Комиссаров 1975: 99]).

Теперь главная цель экспедиции состояла в возвращении в Рио-де-Жанейро, в тот период единственным здоровым участником экспедиции был Э. Флоранс. Во время этой поездки участники экспедиции встречались с индейцами каяпо, гуано, гуато, чамакоко, бороро, чикито, мундуруку, мауэ. В Рио-де-Жанейро экспедиция прибыла 14 марта 1829 г. В 1829 г. Н.Г. Рубцов доставил в Санкт-Петербург 16 ящиков с коллекциями, в следующем году еще 84 ящика привез Л. Ридель. В 1830 г. Г.И. Лангсдорф уехал на лечение в Германию. В Россию он не вернулся, в июне 1831 г. его уволили из ИАН.

Этнографические коллекции участников экспедиции Г.И. Лангсдорфа передали в Кунсткамеру, где они хранились в нераспакованном виде в течение нескольких десятилетий. К ним не было никакой сопроводительной документации, лишь на некоторых предметах имелись этикетки с надписью «Langsdorff». Кто такой Langsdorff, на рубеже XIX–XX вв. никто из сотрудников МАЭ не знал. Все бразильское собрание музея причисляли к сборам конца XVIII в. португальского лингвиста А. Араужу де Азеведу. В 1914–1915 гг. состоялась вторая русская экспедиция в Латинскую Америку. Ее участник Г.Г. Манизер в Национальном музее Рио-де-Жанейро увидел вещи с такими же этикетками, которые были на южноамериканских предметах МАЭ. Ему удалось установить, что эти коллекции были собраны участниками экспедиции Г.И. Лангсдорфа. По возвращению в Санкт-Петербург Г.Г. Манизер написал монографию об этнографических исследованиях Г.И. Лангсдорфа в Бразилии [Манизер 1948]. В виде приложения к этой работе помещен список предметов коллекции Г.И. Лангсдорфа в собрании МАЭ. Основная часть этих вещей зарегистрирована в коллекциях № 764 и № 765. В то же время из состава этих

коллекций удалось выделить не только вещи А. Араужу де Азеведу, но и предметы, поступившие от Л.А. Загоскина в 1839 г. и от П. Барбоза де Силва, поступившие в 1846 г. [Ершова, Корсун 2005: 34–39]. В 1931 г. из Музея Академии художеств в МАЭ передали коллекцию (№ 4284) из четырех перьевых украшений индейцев мундуруку. Вероятно, они также относятся к сборам участников экспедиции Г.И. Лангсдорфа.

Исследования Л. Риделя в Бразилии (1831–1836)

17 июля 1830 г. **Людвиг Ридель** (1791–1861) на судне Российско-Американской компании «Елена» прибыл в Кронштадт. Он привез основную часть коллекций, собранных участниками экспедиции Г.И. Лангсдорфа. Особенно разнообразно было ботаническое собрание, поступившее к директору Ботанического сада академику Федору Богдановичу Фишеру (1782–1854). Пораженный разнообразием коллекций, Ф.Б. Фишер выступил за продолжение исследований в Бразилии. Л. Ридель представил проект по продолжению экспедиции, который утвердил император Николай I. Л. Риделя зачислили в штат Ботанического сада, в период с июня 1831 г. по июнь 1836 г. он официально находился в командировке в Бразилии. Л. Ридель совершил несколько поездок по провинциям Рио-де-Жанейро, Минас-Жераис и Гояс. Он собирал ботанические коллекции для Ботанического сада и зоологические коллекции для Зоологического музея ИАН, этнографические предметы поступали от него только в виде исключения. В 1832 г. Л. Ридель отправил в Санкт-Петербург головной убор индейцев апиака [Комиссаров 1977: 102].

После прекращения финансирования своих исследований со стороны ИАН в 1836 г. Л. Ридель перешел на бразильскую службу. Он заведовал отделом ботаники Национального музея в Рио-де-Жанейро и навсегда остался в Бразилии. Л. Ридель был постоянным корреспондентом многих российских ученых. В декабре 1839 г. во время стоянки в Рио-де-Жанейро судна «Николай I» в его доме останавливался И.Г. Вознесенский. Также И.Г. Вознесенский посетил Л. Риделя через девять лет в феврале–марте 1849 г. во время обратного плавания в Россию на судне «Атха».

Результаты исследований Г.И. Лангсдорфа и Л. Риделя вдохновили руководство ИАН на организацию целой серии экспеди-

ций по комплексному исследованию России и других стран. Планировалось, что каждая экспедиция будет продолжаться три года. В течение 1840—1843 гг. исследования на Аляске, в Северной Калифорнии и Сибири должен был провести И.Г. Вознесенский, в этот же период в Южной Калифорнии и Мексике должен был работать В.Ф. Карвинский. В 1842—1845 гг. исследования в Восточной Сибири провел А.Ф. Миддендорф. В 1845—1849 гг. экспедицию в Западную и Южную Сибирь совершил М.А. Кастрен. В 1853—1856 гг. состоялась экспедиция Л.И. Шренка на остров Сахалин и в Приамурье. Инструкции по сбору коллекций и различные программы по проведению научных исследований для участников этих экспедиций составляли академики К.М. Бэр, Ф.Ф. Брандт, А.А. Штраух, Ф.Б. Фишер и др. Поэтому можно говорить о целенаправленной деятельности ИАН по организации полевых исследований в середине XIX в.

Экспедиция И.Г. Вознесенского в Русскую Америку и Сибирь (1839—1849)

В 1836 г. произошло официальное разделение Кунсткамеры на семь самостоятельных музеев, когда из ее состава выделили Этнографический музей. После разделения Кунсткамеры выяснилось, что американские собрания специализированных музеев крайне малочисленны. Чтобы восполнить коллекции, руководство ИАН приняло решение отправить в Русскую Америку одного из сотрудников. Выбор остановили на помощнике хранителя Зоологического музея Егора Ивановича Шрадера — **Илье Гавриловиче Вознесенском** (1816—1871), которому в 1839 г. исполнилось 23 года. Он происходил из мещанского сословия, был сыном отставного унтер-офицера, работавшего при академии. И.Г. Вознесенский получил «самое элементарное образование», соответствующее его социальному положению, однако всегда писал ровным красивым почерком. В возрасте пяти лет его определили «наборным учеником» в академическую типографию, где он проработал шесть лет, затем перевели в Зоологический музей учеником к зоологу Э.П. Менетрие — участнику экспедиции Г.И. Лангсдорфа. В детстве И.Г. Вознесенский самостоятельно выучил французский и немецкий языки, а позднее учил испанский. По-немецки он говорил свободно, в то время почти все сотрудники

ИАН были немцами по происхождению и немецкий являлся «рабочим языком» в их среде.

Е.И. Шрадер составил для И.Г. Вознесенского инструкцию по сбору этнографических коллекций, согласно которой он должен был записывать наименование каждого предмета, его местное название, материал, из которого он изготовлен, назначение, а также отмечать, «в какой ценности» находится у местных жителей та или иная вещь. То есть И.Г. Вознесенский должен был обращать внимание на уникальность отдельных предметов.

И.Г. Вознесенский отправился из Санкт-Петербурга 20 августа 1839 г. на транспорте «Николай I». На этом же судне находился новый главный правитель русских владений в Америке Адольф Карлович Этолин (1798–1876). Среди пассажиров было несколько «финляндцев», которые собирались заниматься коллекционированием различных «редкостей»: врач и натуралист Рейнгольд Фердинанд Сальберг (1811–1874) и его помощник — препаратор Зоологического музея Университета Хельсинки Карл Густав Розенберг (1805–1841), лютеранский пастор Уно Сигнеус (1810–1888) и сам А.К. Этолин. К месту назначения в административный центр Русской Америки город Ново-Архангельск судно прибыло 1 мая 1840 г. Здесь И.Г. Вознесенский оставался более двух месяцев. Главный правитель И.А. Купреянов поручил И.Г. Вознесенскому разобрать этнографические и зоологические коллекции, которые он собрал в период с 1835 по 1840 г. И.Г. Вознесенский писал: «В течение пяти лет его превосходительство г. Купреянов собирал из разных мест Северо-Западной Америки большую коллекцию зоологических и этнографических предметов, <...> которое я по просьбе его превосходительства в Ново-Архангельске пересмотрел — привел в порядок — составил каталоги и уложил. Незавидное занятие это было для меня весьма полезно, ибо я на будущее время ознакомился с предметами, которые составляли главную цель моих занятий» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 27. Л. 4].

И.А. Купреянов назначил в помощники И.Г. Вознесенскому ученика местной школы — тринадцатилетнего креола Филата Дружинина (1827–1862), который стал его постоянным спутником. И.А. Купреянов после возвращения в Россию подарил Этнографическому музею небольшую этнографическую коллекцию из шести предметов по эскимосам и тлинкитам (№ 564) и антропологическую коллекцию по индейцам Калифорнии (№ 4627).

Во время пребывания в Русской Америке И.Г. Вознесенский познакомился со многими служащими Российско-Американской компании, некоторые из них стали его добровольными помощниками. Он был в дружеских отношениях с врачом новоархангельской больницы А.Д. Романовским и мореплавателем Л.А. Загоскиным, который писал: «Зоолог-преparator г-н Вознесенский независимо от своих трудов на пользу Императорской Академии наук умел во многих из нас вдохнуть страсть к собиранию естественных предметов в стране, до того времени столь мало известной ученому свету» [Загоскин 1956: 151–152].

За пятилетнее пребывание в Русской Америке И.Г. Вознесенский посетил почти все ее районы: Калифорнию, острова Александровского архипелага, Кенайский полуостров, остров Кадьяк, Алеутские и Прибыловы острова, побережье залива Нортон и район Берингова пролива, и везде он занимался сбором коллекций. Всего от И.Г. Вознесенского поступило около тысячи предметов по восемнадцати народам (и их группам) коренного населения Русской Америки. Являясь зоологом, он собирал и этнографические коллекции сериями или комплектами, а не отдельными предметами. И.Г. Вознесенский сразу приобрел алеутскую байдарку со всем охотничьим снаряжением. Сериями он собирал маски, посуду, предметы вооружения и т.д. Что касается предметов, которые он получал как подарки, то в своих дневниках И.Г. Вознесенский отмечал, кто подарил ту или иную вещь. Среди дарителей указаны: титулярный советник Андрей Карлович Тиль — секретарь И.А. Купреянова, управляющий Александровской одиночкой на Кенайском полуострове Григорий Квасников (?–1858), кадьякский священник Петр Степанович Литвинцев (1813–?), гражданин Мексики Джон Август Суттер (1803–1880), служащий Российско-Американской компании Иннокентий Степанович Костромитинов и многие другие. Посылки с коллекциями И.Г. Вознесенский отправлял в течение всего пребывания в экспедиции. К каждой посылке он составлял список с нумерацией вещей от единицы и прикреплял этикетки с этими же номерами к отдельным предметам. Из-за недостатка выставочных площадей в музее посылки с коллекциями И.Г. Вознесенского не распаковывались и не регистрировались. В настоящее время к его сборам относятся коллекции № 571, 593, 620, 868, а также значительная часть предметов в коллекциях № 570 и 2913. В начале XX в. более половины собрания И.Г. Вознесенско-

го оказалось зарегистрировано в сборных коллекциях и в коллекциях, которые числились как «старинные поступления музея». В настоящее время значительная часть этих предметов атрибутирована [Корсун 2005: 123–165].

Первое путешествие И.Г. Вознесенского по Русской Америке началось 7 июля 1840 г., когда он в сопровождении Ф. Дружинина отправился в Северную Калифорнию на судне «Елена». 20 июля И.Г. Вознесенский сошел на берег в заливе Бodega. Здесь он провел десять дней в плодотворных исследованиях и 30 июля отправился в селение Росс, по пути посетив две фермы — ранчо Егора Леонтьевича Черных (1813–1843) и ранчо Петра Степановича Костромитинова, а также сделал остановку на берегу реки Славянка (р. Русская). 1 августа И.Г. Вознесенский прибыл в Росс, здесь его гостеприимно встретили управляющий селением Александр Гаврилович Ротчев (1807–1873) и его супруга Елена Павловна (княжна Е.П. Гагарина, 1807–1880). О жизни в Россе И.Г. Вознесенский писал: «От первого дня приезда моего и до последнего я никогда не был отвлекаем от занятий моих хозяйственными заботами. <...> Мне даны были все роды полезных средств и случаев для моих работ и экскурсий от г-на Ротчева, что, думаю, едва ли где подобные найти ему могу» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 27. Л. 4 об. — 5].

Еще в Ново-Архангельске И.Г. Вознесенский приобрел у приказчика Российско-Американской компании Иоганна Ивановича Форсмана два ритуальных пояса (№ 570-11, 13). В Россе в качестве дара для Этнографического музея А.Г. Ротчев передал И.Г. Вознесенскому: три ритуальных головных убора, накидку в виде сетки, три шпильки, мужские и женские серьги, накидку из шкур кроликов, ритуальный пояс из человеческих волос, бусы, сумку, два набора игр, большую корзину, две налобные повязки для переноса корзин, совок для сбора зерен, корзину для просушивания зерен, корзину без дна, два сита, две корзины, каменный пест, два образца пищи, пику для охоты на коз, колчан с двадцатью четырьмя стрелами и луком и второй колчан с луком и восемью стрелами, прибор для добывания огня. Эти вещи под порядковыми номерами 16, 20, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 33-А, 34, 35, 36, 37, 38-А, 38-В, 39, 40, 42, 43, 46, 47-А, 48-В и 49 И.Г. Вознесенский отправил в Санкт-Петербург на судне «Николай I» (см. табл. 4). Путем обмена с индейцами кашайя И.Г. Вознесенский приобрел: ритуальную набедренную повязку из перьев кондора, накидку для головы

и плеч, три женских ожерелья из перламутровых раковин, курительную трубку, налобную лямку для переноски корзин, налобную ленту из перьев дятла, головной убор в виде сетки, женский ритуальный пояс, корзину и наконечник копья (15, 17, 18, 19, 21, 23, 29, 33-В, 38-С, 50). Большую часть этих предметов И.Г. Вознесенский выменял у шамана кашайя по имени Пимсумен.

В сентябре 1840 г. вместе с отрядом охотников, состоящим из кадьякских эскимосов и чугачей из Росса, И.Г. Вознесенский совершил поездку по морю на север, в район мыса Мендосино. В отношении коренного населения «русской» Калифорнии он использовал названия: «северновские индейцы», то есть жители севера по отношению к селению Росс, — это кашайя; «бодеговские индейцы» — жители побережья залива Бодега — это береговые мивок; «тундровские индейцы» — жители тундры, то есть внутренних южных районов Калифорнии, — это южные помо.

И.Г. Вознесенский писал: «С переселением в форт Росс при усерднейшем содействии и при всех средствах со стороны бывшего тогда правителем конторы и селений в Калифорнии г-на Ротчева началась богатая жатва приобретений по всем отраслям естествознания. В непродолжительное время я приготовил для отсылки в музеумы Импер. Академии наук 15 мест (13 ящиков с разнородными предметами натур-истории с приложением вещей этнографических, из коих три были собраны в Ситхе, и два бочонка с мягкотелыми животными в спирту). Посылки эти погружены были в С.-Франциско на кругосветный корабль “Николай I” 16 октября на возвратном плавании его от Ситхи в Россию» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 27. Л. 4 об. — 5]. Приведем перечень этнографических предметов индейцев Калифорнии, отправленных на судне «Николай I» (табл. 4).

Таблица 4

Предметы, отправленные на судне «Николай I» в 1840 г.

Номер этикетки И.Г. Вознесенского	Номер предмета в МАЭ	Название предмета и его местное название	Народ
15	570-3	Набедренная повязка (эшеттду) — часть ритуального костюма	Кашайя
16-А	570-6	Головной убор (маггал) из белых перьев пеликана (кахлянт)	Кашайя

Продолжение таблицы 4

Номер этикетки И.Г. Вознесенского	Номер предмета в МАЭ	Название предмета и его местное название	Народ
16-B	570-7	Головной убор из окрашенных ольховой корой белых перьев пеликана (магкал)	Кашайя
16-C	570-5	Головной убор (магкал) из перьев ворона (кхай)	Кашайя
17	2930-20	Накидка для головы в виде сетки (ихче), использовалась во время танцев	Кашайя
18	570-17, 18, 19	Налобные повязки (кочея)	Кашайя
19	570-14	Женский пояс (кугхну) — часть ритуального костюма	Кашайя
20	570-67	Повседневный женский головной убор (калай)	Кашайя
21	570-68	Праздничный головной убор (кунгу-калай)	Кашайя
22	570-55, 56, 57	Шпильки для волос (хазита) из дерева толокнянка (каэкали)	Кашайя
23	570-20, 21, 22	Женские ожерелья (чиу)	Кашайя
24-A	570-51, 52	Женские серьги (шимамучия). Шимаму — ухо, чия — палочка	Кашайя
24-B	570-49, 50.	Мужские серьги (шимамучия)	Кашайя
25	Не обнаружена	Накидка (ишши) из шкурок кроликов (ушан), носимая в холодную и сырую погоду	
26	570-74	Пояс из человеческих волос (хейнага)	Кашайя
27	570-24	Ожерелье из морских раковин (кудта)	Береговые мивок?
28	570-69	Сумка в виде сетки (ие)	Кашайя
29	2539-38	Курительная трубка (кавакхабе)	Кашайя
30	570-120/1-46	46 игральные палочки (чатокка)	Кашайя
31	570-37/1, 37/2, 38	Игра из костяшек (акка), кости без меток — кахали, с метками — шакка	Кашайя

Продолжение таблицы 4

Номер этикетки И.Г. Вознесенского	Номер предмета в МАЭ	Название предмета и его местное название	Народ
32	570-77	Корзина для сбора дикого ячменя (моо)	Кашайя
33-А	570-73	Налобная ляжка для переноски большой корзины (чиллаан)	Кашайя
33-В	570-72а–b	Налобная ляжка для переноски большой корзины (чиллаан)	Кашайя
34	570-109	Совок для сбора семян ячменя (батчу)	Кашайя
35	570-87	Корзина для просушки ячменя на горячих углях (накколо)	Кашайя
36	570-84	Корзина без дна, в которой толкут зерна ячменя (коло)	Кашайя
37-А	570-89	Сито для просеивания зерен ячменя	Помо
37-В	570-88	Сито для просеивания зерен ячменя (юху-жим)	Кашайя
38-А	570-91	Корзина для приготовления пищи	Центральные помо
38-В	570-93	Плетеный сосуд	Патвин
38-С	570-90	Корзина для приготовления пищи (чиду)	Кашайя
39	4193-54	Плетеный сосуд	Южные помо
39	Не обнаружен	Образец пищи из дикого ячменя (юха)	
40	Не обнаружен	Брикет из морских водорослей (оттоно)	
41	570-122	Охотничий головной убор, изображающий голову оленя (налолон)	Кашайя
42	Не определена	Пика (углли) для закалывания диких коз и других животных, попавшихся в петли ловушек	

Окончание таблицы 4

Номер этикетки И.Г. Вознесенского	Номер предмета в МАЭ	Название предмета и его местное название	Народ
46	570-117	Каменный пест для размельчения зерна (нуккул)	Кашайя
47-А	570-130 570-133 Не определены	Лук (шегми), колчан (массо) из шкуры койота (нуи), 24 стрелы (хытзу)	Кашайя Кашайя Кашайя
48-В	570-124 Не обнаружен Не определены	Лук, колчан (массо) и восемь стрел	Помо?
49-А	570-115б	Палочка для трения (хамачи) от прибора для добывания огня	Кашайя
49-В	570-115а	Рейка с отверстиями (ходзу) от прибора для добывания огня	Кашайя
50	2667-24	Наконечник копья тундровских жителей давнишних времен	Южные помо
51	570-11, 13	Мужские пояса — часть танцевального костюма	Береговые мивок?

Проведя успешные исследования в районе Росса, 20 октября И.Г. Вознесенский в сопровождении А.Г. Ротчева отправился верхом на лошади в миссию Сан-Рафаэль. Здесь он приобрел мужскую шпильку для волос (№ 570-32), серьги (№ 570-53, 54), ритуальный пояс (№ 570-12), который индейские старшины использовали во время религиозных ритуалов, и повязку из перьев для головы и плеч (№ 570-9). Приобретении этих вещей И.Г. Вознесенский писал Е.И. Шрадеру: «Теперь честь имею донести Вашему Благородию о препровождении одного ящика под № 21, в котором находятся нижеследующие вещи, принадлежащие к суизунскому индейскому племени: 1) пояс, употребляемый во время торжественных игр, называемый на вышеупомянутом наречии “кала”, 2) головная шпилька “сипек”, 3) серьги “алок”, 4) головная повязка “уагльку”.

“Кала” (пояс) есть пожертвование Этнографическому кабинету АН одного францисканского монаха миссии Санта-Рафаэль

падре Тихоса (Lorenzo Quijas. — С.К.). Вещь эта очень высоко ценится между кастильянами и заезжими европейцами, потому что индейцы неохотно соглашаются променивать столь многотрудную для них работу на несколько ливров бисера с придачей платья либо одеял» (цит. по: [Ляпунова 1967: 16]).

Что касается «суизунского племени», то сразу возникает ассоциация с населением побережья залива Суисун в районе дельты р. Сакраменто. Американские лингвисты считают язык сиусун диалектом патвин [Shibley 1978: 83, 89]. Однако П.М. Кожин пишет, что слова «кала», «сипек», «алок» и «уагльку» отсутствуют в языке патвин [Кожин 1977: 70]. По наличию деталей украшений из раковин на ритуальном поясе № 570-12 (кала), шпильке № 570-32 (сипек) и серьгах № 570-53, 54 (алок) можно утверждать, что они являются изделиями жителей морского побережья, то есть изделиями одной из групп костаноан или мивок, но не патвин. Район между северо-восточным побережьем залива Сан-Пабло и северо-западным побережьем залива Суисун населяла одна из групп мивок. Вероятно, в отношении именно этой группы И.Г. Вознесенский использовал название «суизунское племя». Отметим, что в Handbook по индейцам Калифорнии на общей карте расселения индейских племен северо-восточное побережье залива Сан-Пабло отнесено к территории патвин [Handbook 1978: IX], а на детальных картах расселения патвин, береговых мивок и костаноан этот район вообще не отнесен к территории какого-либо из индейских племен [Ibid.: 350, 415, 485].

Из миссии Сан-Рафаэль в Сан-Франциско И.Г. Вознесенский прибыл 23 октября. Первое время он жил в доме у капитана порта Антонио (Уильяма) Ричардсона, а затем переехал в здание, которым владела Российско-Американская компания. Из Сан-Франциско И.Г. Вознесенский совершил несколько кратковременных поездок в ближайшие католические миссии: Сан-Клара, Сан-Хосе, Сан-Антонио, Сан-Леонардо, Сан-Пауло, Сан-Пиноли и в районы Напа, Петалума, Сонома. В окрестностях Сан-Франциско он проводил исследования в течение четырех месяцев. В тот период его коллекции пополнялись почти ежедневно, но этнографических предметов среди них было мало: «После отправления всех собранных мною предметов по части этнографии, которые следуют на кругосветном корабле “Николай” из Росса, — с того дня и до сего времени я не имел благоприятного случая

делать мену с индейцами. Ныне же, предпринимая путь на несколько миль вовнутрь Калифорнии, я надеюсь там, по уверению туземцев, найти некоторые жилища племен индейцев, кочующих по р. Рио-дель-Сакраменто. При мирных обстоятельствах я буду стараться приобрести всевозможные вещи от жителей сей страны» (цит. по: [Ляпунова 1967: 16]).

Путешествие вдоль Сакраменто и ее притоков состоялось в период с 20 февраля по 2 апреля 1841 г., когда И.Г. Вознесенский посетил ранчо Дж. Суттера. Он писал: «20 февраля представился давно желанный случай отправиться водою на ланче (лодке) из Сан-Франциско по р. Сакраменто в имение капитана Суттера, названное владельцем “Новою Гульвечиєю”. На девственных тогда берегах Пэлэ (так называют ее местные индейцы) я провел 31 день. Суттер по рекомендации г-на Ротчева и других принял меня весьма радушно, и я все время жил с ним под одною кровлею его хижины. Сопутствуя г. Суттеру по отведенной ему тогда земле мексиканским правительством, я доезжал с ним до Трех Вершинных гор, несколько раз переправлялись вброд и ночи проводили на золотоносных ныне реках. <...> На этих местах я нашел много разнородных предметов натуральной истории и при содействии капитана Суттера приобрел довольно редкие вещи по части этнографии» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 28. Л. 3].

По данным П.М. Кожина, в бассейне Сакраменто И.Г. Вознесенский посетил селения равнинных мивок: Мокемомнэ, Поколомнэ, Леломнэ, Сааякымнэ, Яхумямнэ, Моэсымнэ, Мацемнэ; селения южных майду: Сыкымнэ, Выытамнэ, Сиумнэ, Уккемнэ, Алехумнэ, Саасаму, Кумюмы [Кожин 1977: 75–76]. К уникальным предметам собрания И.Г. Вознесенского относятся ритуальные костюмы — из перьев ворона (кукшуй) и шкуры кондора (моллок): «Когда я привез в Рио-Сакраменто костюмы Моллок и Кукшуй, то индейцы, видевшие оные, в сильном были страхе и удивлялись, как могу я держать в комнате подобную вещь, как Кукшуй <...>, они потом считали меня шаманам» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 8].

После завершения путешествия по долине реки Сакраменто И.Г. Вознесенский возвратился в Сан-Франциско, а оттуда — в селение Росс. В тот период он получил в качестве подарка от А.Г. Ротчева две корзины береговых мивок «высокой работы», украшенные бисером, перламутровыми пластинами и раковина-

ми. В мае—июне 1841 г. в сопровождении Е.Л. Черных он совершил поездку в долину реки Славянки — район расселения южных помо. Во время путешествия по Славянке И.Г. Вознесенский приобрел редкие изделия южных помо — конусообразные корзины, церемониальный головной убор из перьев, маскировочный головной убор, изображающий оленью голову и печеную лепешку. О последнем предмете он писал: «Для удостоверения, что индейцы сами умеют печь хлеб, я достал у них красно-сладковатый хлеб, приготовленный из семян и ягод, называемый тундровскими индейцами “Маккай силлю” (силлю значит печеный), кусок этого хлеба для образца послан с этнографическими вещами» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1845. Д. 12. Л. 21 об.].

5 сентября 1841 г. И.Г. Вознесенский покинул Калифорнию на бриге «Елена» под командованием Л.А. Загоскина и 4 октября прибыл в Ново-Архангельск. Неожиданно он получил возможность отправиться в Южную Калифорнию на судне «Наследник Александр». Во время этой экспедиции, которая продолжалась с 23 ноября 1841 г. по 19 марта 1842 г., И.Г. Вознесенский занимался только ботаническими и зоологическими исследованиями. После возвращения в Ново-Архангельск он упаковал бóльшую часть своих этнографических коллекций, собранных в «испанской» Калифорнии, и отправил их в Санкт-Петербург (табл. 5).

Таблица 5

Предметы, отправленные в Санкт-Петербург в 1842 г.

Номер этикетки И.Г. Вознесенского	Номера предметов МАЭ	Название предмета и его местное название	Народ
6	570-9	Повязка из перьев для головы и плеч	Южные майду
7	2520-8	Накидка из перьев свищей утки	Южные майду
8	570-34, 35, 36	Шпильки	Южные майду
9	570-45, 46	Серьги	Южные майду
10	570-47, 48	Серьги с нитками бисера	Равнинные мивок
11	570-58, 59	Шпильки	Равнинные мивок

Продолжение таблицы 5

Номер этикетки И.Г. Вознесенского	Номера предметов МАЭ	Название предмета и его местное название	Народ
12	620-5	Орудие, которым сверлят раковины и бисер (шечтактухай)	Равнинные мивок
13	Не определены	Перья (в пучках), носимые во время игр	
14	570-116	Печеная лепешка (маккай силлю)	Южные помо
15	570-105	Корзина (шутту)	Береговые мивок
16	570-104	Корзина (шутту)	Береговые мивок
29	570-125 Не обнаружен	Лук (тунулумнэ), колчан из шкуры лисы и 20 стрел индейцев восьми селений:	Равнинные мивок
	570-159	Стрела (чепумнэ)	Равнинные мивок
	570-163	Стрела (танакаы)	Равнинные мивок
	570-165	Стрела	Равнинные мивок
	570-171	Стрела	Равнинные мивок
	570-172	Стрела	Равнинные мивок
	570-173	Стрела (сулумиамнэ)	Равнинные мивок
	570-174	Стрела	Равнинные мивок
	570-175	Стрела	Равнинные мивок
	570-176	Стрела	Равнинные мивок
	570-177	Стрела	Равнинные мивок
	570-178	Стрела	Равнинные мивок
	570-180	Стрела (неммыгывавнэ)	Равнинные мивок
	570-181	Стрела (сэкымнэ)	Равнинные мивок
	570-182	Стрела (пуккайтормнэ)	Равнинные мивок
	570-184	Стрела	Равнинные мивок
	570-185	Стрела	Равнинные мивок
	570-186	Стрела	Равнинные мивок
	570-187	Стрела (юусумнэ)	Равнинные мивок
	570-188	Стрела (матцемнэ)	Равнинные мивок
30	570-123	Охотничий головной убор, изображающий голову оленя	Равнинные мивок

Окончание таблицы 5

Номер этикетки И.Г. Вознесенского	Номера предметов МАЭ	Название предмета и его местное название	Народ
31	570-1	Костюм из перьев ворона (кукшуй)	Равнинные мивок
32	570-2	Накидка из шкуры кондора (моллок)	Равнинные мивок
33	570-4	Головной убор из перьев пеликана (хахла), входит в комплект к накидке № 570-2	Равнинные мивок
33	570-8	Головной убор из перьев (хахла)	Равнинные мивок

22 июня 1842 г. И.Г. Вознесенский в сопровождении Ф. Дружинина отправился на бриге «Промысел» на остров Кадьяк. Туда же с инспекторской проверкой поехал главный правитель А.К. Этолин. Вероятно, во время этого путешествия между А.К. Этолиным и И.Г. Вознесенским было заключено неформальное соглашение, по которому последний стал собирать этнографические предметы в двойном количестве: один экземпляр — для ИАН, а другой — для А.К. Этолина [Корсун 2006: 68–73]. Через пять суток бриг бросил якорь на рейде селения Павловская Гавань. Первоначально И.Г. Вознесенский сопровождал А.К. Этолина. 7 июля «Промысел» с А.К. Этолиным, И.Г. Вознесенским и правителем Кадьякской конторы Российско-Американской компании И.С. Костромитиновым отправился к Николаевскому реду на Кенайском полуострове. Через двое суток судно было на месте, здесь И.Г. Вознесенский расстался с А.К. Этолиным. Николаевский редут стал его базой, откуда он совершил несколько поездок для исследования Кенайского полуострова.

В дневнике от 29 июля 1842 г. И.Г. Вознесенский писал о поездке в северном направлении от Николаевского реду: «Здесь самое узкое место Кенайского залива, от Аляскинского берега выходит углом плоский мыс, до которого расстояние незначительное — в байдарке можно переехать в тихую погоду в полтора часа (верст 9 или 10). Мыс этот называется по-кенайски “Кустан”,

на самом краю мыса есть два селения кенайских. Жителей менее 100 человек. В ясную погоду виден дым бывает из барабор (жилищ. — С.К.). Берег мыса от горизонта воды столь же высок, как и Кенайский (берег. — С.К.), отсюда залив Кенайский становится внутри шире. Я ходил от сенокоса на кенайское жило (селение. — С.К.), которое от сего места отстоит на полтора часа ходьбы <...> тут находится одна большая барабора, в которой все живут кенайцы, человек около 30. Кенайцы эти собираются идти на хребты гор, за промыслом диких баранов. Жило, в котором я был сегодня, называется Нуктаз-Китат» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 19 об.].

И.Г. Вознесенский предпринял поход к Скалистым горам, плавал в байдарке по Кенайскому заливу к острову Калгин, по реке Кокну (Касилова) к озеру Тустамен. В сентябре он проплыл в байдарке и прошел пешком более 80 верст по берегу Кенайского залива от мыса Микешина до бухты Качемак. Таким образом, И.Г. Вознесенский обследовал все западное побережье Кенайского полуострова, как к северу от Николаевского редута, так и к югу — до селения Нинильчик, расположенного на мысе Суннит (на языке кенайцев), далее до мыса Старичков (Стук-таль-хин), а оттуда к бухте Качемак (Чугачик). Западное побережье залива Качемак населяли индейцы кенайцы, а восточное — эскимосы чугачи. Здесь находилась торговая фактория Российско-Американской компании — Александровская одиночка.

На Кенайском полуострове И.Г. Вознесенский оставался до 19 сентября, когда на бриге «Квихпак» отплыл на Кадьяк. Об исследованиях этого периода И.Г. Вознесенский писал: «Приобретенные мною коллекции по части зоологии, ботаники, минералогии и этнографии состоят из замечательного числа любопытных предметов, собранных на Снеговых горах, называемых туземцами Трылыи, в окрестностях большого озера Тустамена, из которого и выходит река Касилова, с острова Калгина и многих других мест. По причине позднего моего прибытия на Кадьяк, к сожалению, не могу предпринять путешествие в Нушагак через Аляску; и для моих открытий до наступления весны будут одни окрестности Кадьяка и ближайшие острова» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 35. Л. 8]. Во время пребывания на Кенайском полуострове И.Г. Вознесенский собрал этнографическую коллекцию по кенайцам (денайна), кольцанам (танана), медновцам (атна) и эскимосам чугачам (сугпиак). При регистрации его собрания в конце XIX в.

сотрудник музея К.К. Гильзен посчитал за сборы И.Г. Вознесенского коллекцию Е.А. Борисова, управляющего Николаевским редутом в 1856—1859 гг., и коллекцию А.Ф. Кашеварова, поступившую в 1868 г.

27 сентября И.Г. Вознесенский прибыл в селение Павловская Гавань на острове Кадыак, где провел осень и зиму 1842—1843 гг. Во время пребывания на Кадыаке И.Г. Вознесенский близко познакомился с «медицинским чиновником» Даниилом Никитичем Зыковым (?—1862), который помогал ему собирать различные коллекции. В этот период были исследованы остров Кадыак и соседние с ним районы. И.Г. Вознесенский посетил селение Гавань Трех Святителей на противоположной стороне Кадыака, Орловскую одиночку, острова Угак, Еловый и Лесной. Вероятно, он посещал и эскимосское селение Катмай на восточном побережье полуострова Аляска. В пользу этого свидетельствует комплексное, хорошо подобранное собрание по катмайцам. Возможно, посещение Катмая произошло во время перехода из Николаевского редута. Этот переезд занял девять дней, в то время как обычно на такой переход уходило только два дня. Посещение селения Катмай входило в программу его исследований.

Коллекции по кадыакцам И.Г. Вознесенский собирал в течение полугода, также некоторые вещи он получил как подарки от своих корреспондентов. В письме к Е.И. Шрадеру И.Г. Вознесенский писал: «Два кадыакских костюма, отмеченных на обшивке литерами, приносятся в дар этнографическому кабинету. Под литерою А — камлейка (из кишок черного медведя) от священника Павловской Гавани о. Кадыак Петра Степановича Литвинцева. Под литерою Б — парка (из урильных шеек) от правителя кадыакской конторы Иннокентия Степановича Костромитинова. Вещи эти здесь в колониях почитаются редкостью, как лучший образец в отношении искуснейшего рукоделия алеутских женщин» (цит. по: [Ляпунова 1967: 20]).

Самой ценной частью кадыакского собрания И.Г. Вознесенского является набор ритуальных предметов. 12 февраля 1843 г. И.Г. Вознесенский купил у тоена острова Лесной «11 штук разнохатерных личин, употребляемых кадыакскими алеутами на игрушках, и со следующими к ним причитающимися принадлежностями» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 38. Л. 13—15]. Это две маски (талюляххя) и набор из девяти масок, используемых во время спе-

циального ритуала. Кроме масок, в этот комплект входили различные «принадлежности». К первому действию ритуала относятся четыре маски охотников (атмальчик) и «клювы птиц глупышей, которые надеваются на рты 6-ю нагими мальчиками, открывающих игру 1-го действия» (туземное название этих клювов «Чухэт»), а также «шесть штук бантов из перьев, навязываемых на левую руку каждого действующего лица в 1-м действии, называется “Ка-муатэт”» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Д. 9. Л. 67].

Ко второму действию относится маска больного (канигльиш), к третьему — маска весельчака (кингнум-шва), к четвертому — маска безносого калеки (шануялык), к пятому действию — маска птицы кулика (наконали) и к последнему, шестому, действию — маска влюбленного (бахагилыхвивак), к которой относится обруч из орлиных перьев. Во время ритуала в качестве музыкальных инструментов использовались погремушки — трещотки с топоровыми клювами (кальхнаамыт). В дневнике от 12 марта И.Г. Вознесенский записал: «Лесновскому тоэну за починку моделей байдарок, и за сделанные к ним снаряды с фигурами, и за новые носки к нерпячьим стрелам заплачено (кроме прибавки вещами) деньгами 4 р.» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 38. Л. 15].

Проведя успешные исследования на Кенайском полуострове и острове Кадьяк, И.Г. Вознесенский 27 марта 1843 г. покинул Павловскую Гавань и после короткого перехода прибыл в Ново-Архангельск. Во время летней навигации 1843 г. он планировал посетить побережье Берингова моря и Северного Ледовитого океана. Благодаря помощи А.К. Этолина ему представилась такая возможность. 6 мая 1843 г. И.Г. Вознесенский вышел в плавание на бриге Российско-Американской компании «Охотск» под командованием шкипера Антона Егоровича Нецветова (1814–?). Во время этого путешествия он посетил о. Унга из Шумагинского архипелага, о. Уналашку, Прибыловы острова. Затем бриг взял курс на север. Из-за плохой погоды «Охотск» два дня простоял у острова Св. Лаврентия и повернул к Михайловскому редуту в заливе Нортон, куда судно прибыло 30 июня. Здесь И.Г. Вознесенский провел плодотворные исследования. Он посетил Уналаклитскую одиночку, расположенную в устье реки Уналаклит, где совершил несколько успешных обменных операций с местными эскимосами уналигмиутами. Также И.Г. Вознесенский посетил два селения этих эскимосов — Атхвик и Агахляк (Тачик),

расположенные в непосредственной близости от Михайловского редута.

Из залива Нортон судно отправилось на север к заливу Коцебу, однако из-за скопления льдов войти в залив не удалось, и 12 июля «Охотск» повернул к Берингову проливу, пройдя который сделал кратковременную остановку в заливе Шишмарева (Порт Кларенс) и у острова Укивок (Кинг). Затем бриг посетил Мечигменский залив на Чукотке, а оттуда вернулся в Михайловский редут, где И.Г. Вознесенский оставался до конца августа. Во время этого путешествия он приобрел более ста предметов уналигмиутов и отдельные вещи эскимосов залива Коцебу, залива Шишмарева, о. Кинг, азиакмиутов полуострова Сьюард и большое количество предметов от квихпакцев (икогмиутов) низовья реки Юкон и кускоквимцев района реки Кускоквим.

Вероятно, к уналигмиутам относятся те предметы, которые значатся как собранные среди населения залива Нортон. К уникальным экспонатам жителей залива Нортон относится деревянный церемониальный головной убор вождя (№ 3235-14). Эту шляпу И.Г. Вознесенский купил весной 1840 г. у правителя Ново-Архангельской конторы Российско-Американской компании Петра Степановича Костромитинова. На этикетке к ней написано «агалехмютский сагуяк». Сагуяк — алеутское слово для обозначения деревянных головных уборов. В собрании И.Г. Вознесенского трудно разделить вещи уналигмиутов (агалехмютов, по И.Г. Вознесенскому) и аглегмиутов Бристольского залива, поэтому с полной уверенностью нельзя говорить о том, что эта шляпа принадлежит уналигмиутам. Еще одна шляпа уналигмиутов (№ 593-51) богато украшена резными фигурками животных и птиц. И.Г. Вознесенскому удалось приобрести у уналигмиутов однолючный каяк с полным комплектом вооружения из восемнадцати предметов. Он писал: «Аглемуты во время промысла на морских белух окрашивают свои байдарки белой глиною для того, чтобы быть под стать с плавучим льдом; этим им удастся обманывать (белух. — С.К.), приближаясь к сим животным на весьма близкое расстояние. По окончании промысла белух байдарку очищают от краски, а при наступлении онаго они снова ее красят» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Д. 9. Л. 36–37].

Собрание И.Г. Вознесенского по эскимосам низовья реки Кускоквим интересно прежде всего комплексным подбором. Оно

состоит из вещей, которые И.Г. Вознесенский приобретал во время всего пятилетнего пребывания в Русской Америке. Часть из них он получил от Л.А. Загоскина, часть купил в Ново-Архангельске, а часть приобрел в Михайловском редуте. Благодаря этому И.Г. Вознесенскому удалось составить несколько комплектов одежды кускоквимцев.

Как отмечалось, в мае 1843 г. И.Г. Вознесенский находился на о. Унга Шумагинского архипелага, где посетил алеутское селение Унгинское, которое русские также называли Греко-Деларовским или Деларовским. Он сделал интересный рисунок этого селения. Какие этнографические предметы И.Г. Вознесенский приобрел здесь, точно установить не удалось. 31 мая бриг «Охотск» встал на якорь вблизи Гаванского селения (Иллюлюк) на острове Уналашка, здесь судно простояло в течение шести суток. 8 июня судно подошло к о. Св. Георгия. На его берегу И.Г. Вознесенский провел несколько часов за сбором различных естественно-научных коллекций. 9 июля «Охотск» подошел к о. Св. Павла, однако из-за сильных волн высадиться на берег не удалось. И.Г. Вознесенский отправил на остров своего помощника Ф. Дружинина, который должен был провести здесь самостоятельные исследования, в то время как И.Г. Вознесенский на «Охотске» отправился в район Берингова пролива. В начале сентября 1843 г. бриг «Охотск» вышел в обратное плавание из залива Нортон и взял курс на Уналашку, по пути зашли на Прибыловы острова, где забрали Ф. Дружинина. Почти три месяца, проведенные им на островах, оказались не так успешны в отношении сбора этнографических коллекций, как на это рассчитывал И.Г. Вознесенский. Это объясняется тем, что алеуты Прибыловых островов являлись наемными рабочими Российско-Американской компании, которая снабжала их всем необходимым. Они не имели ни времени, ни инструментов, чтобы заниматься побочным промыслом. Ф. Дружинин в отчете И.Г. Вознесенскому писал: «Но так как здесь народ рабочий довольствуется всем компанейским, и по той причине они не имеют своих инструментов и которые уже давно заброшены и забыты; а женщины обыкновенно шьют камлейки и чехлы, но, однако, с большой трудностью могут что-либо сшитое послать куда или носить сами по той причине, что женщины всегда на работе компанейской, а вечерами выделывают для компании горла, за что и получают жалование годовое, и также здесь

нет алеут вольных, как в прочих местах» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 38. Л. 16 об.].

Несмотря на трудности, Ф. Дружинин приобрел на острове Св. Павла одежду, дорожные сумки, материал и нитки для шитья. Большую помощь в сборе различных коллекций ему оказал управляющий островом креол Касьян Васильевич Шаяшников (1796–1859). Он, кроме исполнения своих должностных обязанностей, организовал на острове школу, вел метеорологические наблюдения и написал несколько очерков о морских животных и рыбах. Эти записки К.Я. Шаяшников передал И.Г. Вознесенскому. И.Г. Вознесенский познакомил с ними зоолога Ю.И. Симашко, который высоко оценил и использовал записки К.Я. Шаяшникова в своей монографии [Симашко 1850].

Во время стоянки «Охотска» у берегов Уналашки, в середине сентября 1843 г., И.Г. Вознесенский значительно пополнил коллекции по алеутам. Здесь он познакомился с главным тоеном Уналашкинского отдела И.Г. Паньковым, который помогал И.Е. Вениаминову в переводе церковных книг на алеутский язык. И.Г. Вознесенский купил у И.Г. Панькова «промысловую однолучную байдарку, сделанную по всем правилам искусства и настоящей величины, со всеми к ней принадлежностями» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 38. Л. 17]. Также к сборам этого периода относится многочисленная коллекция орудий морской охоты, головных уборов и одежды. На Уналашке добровольным помощником И.Г. Вознесенского стал «лекарский ученик» Иван Семенович Петелин (?–1858), который помогал собирать разнообразные естественно-научные коллекции. Впоследствии И.С. Петелин посылал в Ново-Архангельск коллекции, в том числе и этнографические, доктору А.Д. Романовскому — близкому знакомому И.Г. Вознесенского.

Весной–летом 1844 г. во время плавания к Курильским островам и обратно И.Г. Вознесенский еще раз посетил Алеутские острова. Он вышел из Ново-Архангельска 25 апреля на бриге «Промысел» под командованием Александра Михайловича Гаврилова (1816–1848). После исследований на Курильских островах 17 июля бриг пришел в Петропавловск-Камчатский. В обратное плавание И.Г. Вознесенский вышел 25 июля на галиоте «Мореход». Судно взяло курс к острову Беринга и после двухдневной остановки (28–29 июля) отправилось к острову Атту, а затем

к Атке, где галиот находился до начала 20-х чисел августа. К сборам этого периода относятся орудия охоты, модели байдарок, изделия из моржовой кости и две парки алеутов о. Атка (№ 2888–82, 86). О последней из них И.Г. Вознесенский писал: «Наружная сторона украшена разноцветным шитьем и бобровыми ремешками; воротник, рукава и подол опушены морской выдрой (каланом. — С.К.); это национальный костюм обитателей группы островов Андреяновских» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918. Д. 9. Л. 73].

О приобретении первой из вышеназванных парок И.Г. Вознесенский записал в дневнике от 15 августа: «Андреяновских островов тоэну Дедюхину за алеутско-атхинскую узорчатую топорковую парку с воротником и выпушками морской выдры заплачено 25 р.» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 38. Л. 22]. Николай Васильевич Дедюхин являлся главным тоеном Атхинского отдела с 1824 г. до своей смерти в 1852 г. В одном из списков коллекций И.Г. Вознесенского об этой парке сказано: «Тоенская парка или парка старшин алеутов о-вов Андреяновской группы. Сшитая из шкурок птиц, называемых топорками (*Fratercula cirrata*), парка эта украшена волосами диких горных коз и узорчатыми прошивками, самой изящной работы, какая только может встречаться на Алеутском архипелаге; воротник, опушка на рукавах и вокруг подола, равно как и висящие ремешки — из шкурок бобра или морской выдры (*Eudyris marina*)» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918. Д. 9. Л. 124 об.]. 26 августа «Мореход» подошел к острову Св. Павла и, простояв здесь в течение дня, отправился к острову Св. Георгия, где также сделал только кратковременную остановку.

Коллекции по тлинкитам и другим индейцам северо-западного побережья И.Г. Вознесенский собирал в течение всех пяти лет пребывания в Русской Америке, с 1840 по 1845 г. Еще во время первого посещения Ново-Архангельска в мае–июне 1840 г. он купил женское украшение — большую втулку (такие втулки богатые тлинкитки носили в нижней губе как знак высокого социального статуса) и боевую рубаху из лосиной кожи. Ее передняя часть раскрашена стилизованным изображением ворона. Такие рубахи надевали под защитный панцирь во время поединков, когда воины сражались металлическими кинжалами и не использовали огнестрельное оружие. В этот период он получил в подарок от П.С. Костромитинова боевой пластинчатый панцирь, украшенный рисунком тотемного животного его владельца.

В ноябре 1840 г., находясь в Калифорнии, И.Г. Вознесенский получил в подарок от А.Г. Ротчева «маленький ишкат (коробочку) работы Колумбийских индейцев», возможно, здесь идет речь о плетеном сосуде № 2539-12. В феврале 1841 г. во время путешествия по долине реки Сакраменто И.Г. Вознесенский приобрел у Дж. Суттера плетеную корзину индейцев района низовьев реки Колумбии и два каменных наконечника от топоров. Также от Дж. Суттера он получил курительную трубку индейцев хайда. Она вырезана из черного сланца, ее поверхность покрыта стилизованными фигурами животных, птиц и людей.

После завершения экспедиции в Северную Калифорнию И.Г. Вознесенский находился в Ново-Архангельске в период с 4 октября по 23 ноября 1841 г. и с 19 марта по 22 июня 1842 г. Несмотря на столь короткий срок, он сумел пополнить коллекции по тлинкитам и другим индейцам северо-западного побережья. В очередной раз И.Г. Вознесенский вернулся в Ново-Архангельск 1 апреля 1843 г., где оставался около месяца. Зиму 1843—1844 гг. И.Г. Вознесенский провел в Ново-Архангельске, в этот период он познакомился с епископом Иннокентием (И.Е. Вениаминовым). Несмотря на то что И.Е. Вениаминов возвратился из Санкт-Петербурга в Ново-Архангельск 27 сентября 1841 г., он в течение двух лет находился в постоянных разъездах по своей епархии, и их пути не пересекались.

Осенью 1843 г. — весной 1844 г. И.Г. Вознесенский значительно пополнил собрание по тлинкитам и другим индейцам северо-западного побережья. Еще в 1842 г. он писал: «Мне помнится, что в коллекциях Этнографического кабинета не было ни одной колошенской накидки. Если же нет и теперь, то испрашиваю позволения купить; за лучшую накидку дикари требуют 6 одеял, а каждое одеяло стоит 20 рублей, то есть за нее нужно заплатить 120 рублей» [СПбФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3. Л. 130 об.]. Получив разрешение, И.Г. Вознесенский 22 декабря 1843 г. «через толмача Гедеона Ванкевича у колошенского тоэна Кухантана Сухорукого купил национальный колошенских старшин <...> плащ (нахэн)» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 38. Л. 18 об.]. Тлинкит Гедеон Ванкевич (Никтополеон Гедеонов) находился на службе в Российско-Американской компании, он неоднократно помогал И.Г. Вознесенскому при обменных операциях с индейцами. После завершения летней навигации 1844 г. И.Г. Вознесенский

вернулся в Ново-Архангельск, где в период с 29 сентября 1844 г. по 16 мая 1845 г. провел завершающие исследования перед возвращением в Россию. В середине октября 1844 г. умер вождь ситкинских тлинкитов Кухантан Сухорукий (Гататулчис). И.Г. Вознесенский присутствовал в доме умершего и сделал интересный рисунок одного из ритуалов погребальной церемонии [Бломквист 1951: 288–296]. Так как индейцы не верили в естественную смерть человека, то был найден и убит виновник «порчи». И.Г. Вознесенский писал в дневнике от 18 октября: «У Колошенской речки, где жило, застрелили колошу: брат убил брата (оба колоши) за то, что будто бы он испортил Сухорукого тоена, который помер. Завтра будет происходить между колошами война» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 об. — 12].

Несмотря на то что коллекции по тлинкитам И.Г. Вознесенский собирал с первых дней пребывания в Русской Америке, до осени 1844 г. они были малочисленны. С одной стороны, это объяснялось отсутствием у И.Г. Вознесенского необходимых товаров (алкоголя, табака, огнестрельного оружия) для обмена с аборигенами, с другой — высокой стоимостью индейских изделий. Поэтому во время своего последнего пребывания в районе расселения тлинкитов И.Г. Вознесенский решил существенно пополнить этнографическое собрание по их культуре. В период с 19 октября по 2 ноября И.Г. Вознесенский совершил плавание на пароходе Российско-Американской компании «Николай» по проливам архипелага Александра. Во время этого путешествия он посетил несколько тлинкитских селений: Какнау (Ледянопроливское), Хуцнуву и, возможно, Кэйк. Ряд предметов, собранных во время этой поездки, был в плохом состоянии, и И.Г. Вознесенский отдал их для ремонта ситкинским индейцам. Он записал в дневнике 8 декабря 1844 г.: «Толмач колошенский Гедеонов принес две воинские деревянные шапки, которые я отдавал для исправления и поновения в другой раз. Теперь отделаны порядочно, я намерен отдать для поновения и проч. другие» [СПбФ АРАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. Л. 30].

В 1845 г. А.К. Этолин писал директорам Российско-Американской компании: «Не лишним считаю сказать в полную похвалу г-ну Вознесенскому, что он в пятилетнее свое пребывание в колониях, равно и во время плавания сюда в 1839 г. из России на корабле “Николай”, не упускал ни одного случая для обогащения

музеума Императорской Академии, и о неусыпных его трудах свидетельствуют 90 огромных ящиков (как он мне объявил), отправленных им отсюда в разное время. <...> Не могу при сем умолчать об истинно благородном, скромном характере и отличном поведении г-на Вознесенского, коими он приобрел общее уважение в колониях, и ту готовность к услугам, которые каждый оказывал ему к обогащению его собраний, без сих же качеств ему невозможно бы было, при крайне ограниченных его от Академии денежных средствах, собрать для нее столь большую коллекцию» [Донесение 2010: 118–119].

С июня 1845 г. по сентябрь 1848 г. И.Г. Вознесенский проводил исследования на Камчатке и побережье Охотского моря. 13 сентября 1848 г. на судне «Атха» он отправился в обратный путь в Санкт-Петербург. С 14 по 30 октября «Атха» стояла в порту Ново-Архангельска, в Кронштадт судно прибыло 21 июня 1849 г. За десятилетнее пребывание в экспедиции И.Г. Вознесенский собрал более 10 тыс. насекомых, 3687 предметов по зоологии, 1054 — по этнографии, сделал гербарий на 2 тыс. листах, собрал около 800 образцов минералов и сделал более 150 рисунков. Всего от И.Г. Вознесенского поступило около 130 ящиков с коллекциями, из них он лично доставил 38 ящиков. Его деятельность по пополнению собраний академических музеев, без преувеличения, является научным подвигом. Академик Александр Александрович Штраух (1832–1893) писал: «Богатство коллекций, собранных им во время девятилетнего пребывания в российско-американских владениях и на восточном берегу Сибири, превосходит всякое вероятие» [Штраух 1889: 46]. Академик Федор Федорович Брандт (1802–1879) отмечал: «В течение своего девятилетнего странствования и пребывания на нашем Крайнем Востоке г. Вознесенский неуклонно, с редкой энергией преодолевая все встречавшиеся ему затруднения и нередко сам терпя лишения, исполнял возложенное на него поручение, и благодаря его неутомимым трудам музеи Академии обогатились огромными коллекциями естественных и этнографических предметов из наших самых дальних стран. <...> В научном же отношении богатые коллекции, составленные г. Вознесенским, послужили материалом для новых ученых трудов гг. академиков Бэра, Брандта, Миддендорфа, Шренка, Штрауха...» (цит. по: [Гильзен 1916: 9]). После возвращения И.Г. Вознесенского в Этнографический музей продолжали посту-

пять коллекции от его корреспондентов. Среди многих, кого он вдохновил на сбор коллекций, были служащие Российско-Американской компании: Л.А. Загоскин, А.Д. Романовский, Е.А. Борисов, А.Ф. Кашеваров, Д.Ф. Зарембо, шкипер И.И. Архимандритов, геолог П.П. Дорошин, правитель Русской Америки в 1845–1850 гг. М.Д. Тебеньков.

Экспедиция В.Ф. Карвинского на Кубу и в Мексику (1840–1843)

В 1840–1843 гг. по инициативе директора Ботанического сада Санкт-Петербурга академика Ф.Б. Фишера состоялась экспедиция в Мексику. Ее руководителем по рекомендации И.М. Ругендаса — художника экспедиции Г.И. Лангсдорфа стал немецкий натуралист **Вильгельм Фридрих Карвинский** (1780–1855). К этому времени он уже совершил две экспедиции в Латинскую Америку — в 1821–1823 гг. в Бразилию и в 1827–1832 гг. в Мексику. Выбор В.Ф. Карвинского в качестве руководителя русской экспедиции был неслучаен, как отмечалось, в то время все руководство Императорской Академии наук состояло из немецких ученых. Кандидатура В.Ф. Карвинского рассматривалась еще в 1821 г. при утверждении состава экспедиции Г.И. Лангсдорфа.

Подготовка к экспедиции началась в 1839 г., в ее организации приняли участие большинство музеев ИАН, в том числе и Этнографический. Организация экспедиций И.Г. Вознесенского и В.Ф. Карвинского проводилась одновременно. Если задача И.Г. Вознесенского состояла в сборе коллекций от Аляски до Северной Калифорнии, то В.Ф. Карвинский должен был заниматься сбором коллекций в районе тихоокеанского побережья Панамы, Мексики и Южной Калифорнии. Таким образом, планировалось провести научные исследования на всем западном побережье Центральной и Северной Америки. Как и И.Г. Вознесенский, В.Ф. Карвинский должен был собирать ботанические, зоологические, минералогические, этнографические и археологические коллекции. Помимо научных задач, перед ним стояла и практическая задача. По поручению Департамента мануфактур и торговли он должен был определить перспективы торговых отношений между Россией и Мексикой.

Судно, на котором В.Ф. Карвинский отплыл из французского порта Гавр в октябре 1840 г., потерпело крушение у Багамских островов. Путешественник потерял все свое имущество и был вынужден изменить маршрут экспедиции, он достиг Кубы, где и начал научные исследования. Из Гаваны В.Ф. Карвинский отправился в мексиканский порт Веракрус, а затем путешествовал по восточному побережью Мексики. Он собирал различные коллекции и регулярно отправлял их в Санкт-Петербург. Однако из сборов В.Ф. Карвинского в МАЭ имеются только деревянный «таз» диаметром около полутора метров, переданный в 1851 г. из Ботанического музея, и каменная скульптура пернатой змеи — Кецалькоатль древних ацтеков (№ 2030-1), поступившая из Императорского Эрмитажа в 1888 г. Коллекция № 2030 состоит из четырех предметов, возможно, все они относятся к сборам В.Ф. Карвинского. Скульптуру пернатой змеи удалось атрибутировать Р.В. Кинжалову. Он писал: «Поиски в архиве Государственного Эрмитажа привели к нахождению ордера № 3082 придворной конторы по 1-й экспедиции от 8 мая 1842 г., адресованного начальнику первого отделения Эрмитажа статскому советнику Жилю. В нем говорится: “Придворная контора препровождает к Вам для Эрмитажа найденное в Мексике близ Попантла путешественником нашим бароном Карвинским высеченное из вулканического камня изображение идола — змеи Наульяке, покорнейше просит внести ее в каталог и о получении уведомить”. Письмом от 12 мая 1842 г. Жиль известил контору о получении вещи. Скульптура хранилась в Эрмитаже до осени 1888 г., когда в числе других этнографических предметов была передана в Этнографический музей Академии наук (опись № 174)» [Кинжалов 1981: 22].

Исследования В.Ф. Карвинского в Мексике продолжались до осени 1843 г. Судно, на котором он отправил в Европу большую часть коллекций, собранных на Кубе и в Мексике, потерпело кораблекрушение, и коллекции погибли. Наиболее значительные коллекции от В.Ф. Карвинского поступили в Ботанический сад, небольшие собрания — в Зоологический музей и Горный институт. В целом эта экспедиция не оправдала надежд руководства ИАН. В.Ф. Карвинский не провел исследований на западном побережье Мексики и в Южной Калифорнии, а значительная часть его коллекций погибла по пути следования в Россию.

Исследования Л.И. Шренка в Перу (1854)

В 1853–1856 гг. состоялась экспедиция натуралиста **Леопольда Ивановича Шренка** (1826–1894) на Дальний Восток России в целях исследования природы и населения Сахалина и Приамурья. По соглашению между ИАН и Морским министерством Л.И. Шренка, «купеческого сына» зоолога М. Шиля, который обучался искусству препарирования у И.Г. Вознесенского, и художника В. Поливанова включили в состав кругосветной экспедиции на фрегате «Аврора». 21 августа 1853 г. фрегат покинул Кронштадт. После перехода через Атлантический океан и мыс Горн 3 апреля 1854 г. «Аврора» вошла в перуанский порт Кальяо, расположенный в 20 км от Лимы — столицы Перу. В то время между Кальяо и Лимой уже имелось железнодорожное сообщение.

В течение 11 дней, проведенных в Перу, Л.И. Шренк с интересом знакомился с жизнью его населения и собирал различные коллекции, в том числе по городскому населению Лимы. В антикварной лавке он приобрел 78 листов акварелей художника Панчо Фиерро с изображением бытовых сцен, жителей Перу и их костюмов [Лукин 1967]. На рынке Лимы Л.И. Шренк наблюдал «наиболее типичную для Перу часть населения — индейцев туземного происхождения с красновато-медным цветом кожи, с широкими лицами и прямыми черными волосами. Часто можно видеть идущего по улице такого индио серрано — горного индейца в высокой шляпе на голове и похожем на пончо оборванном плаще» [СПбФ АРАН. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 21].

Л.И. Шренк отметил, что женщины в Лиме почти не носят национальную одежду, состоящую из шелковой юбки с продольными складками и платка, которым закрывали голову и плечи. Их заменили европейской одеждой. Совершив несколько конных поездок, Л.И. Шренк записал в дневнике: «Особенно своеобразно сделаны стремяна. Это четырехгранные деревянные пирамидки высотой около фута и такой же ширины, на их гранях у основания бывают вырезаны орнамент или фигурки. В одной из граней внизу делают углубление, куда вставляется нога. Можно себе представить, что такие стремяна очень удобны, но выглядят они весьма неуклюжими и тяжелыми» [СПбФ АРАН. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 26].

В Лиме Л.И. Шренк посетил университет, публичную библиотеку и Национальный исторический музей, ему удалось уста-

новить деловые связи с перуанскими учеными. В письме академику А.Ф. Миддендорфу он писал: «В Лиме я познакомился с молодым, очень энергичным естествоиспытателем Антонио Раймонди, профессором местной медицинской школы. <...> Господин Раймонди сказал, что готов поставлять академическому музею перуанские экспонаты в обмен на русские» (цит. по: [Лукин 1965: 130]). После посещения Национального исторического музея Л.И. Шренк записал в дневнике: «В двух больших залах его размещены различные коллекции. <...> Под портретами стоят шкафы с перуанскими древностями и натуралиями. К первым относятся добытые в Уаках — старинных инкских погребениях — хорошо сохранившиеся глиняные сосуды, оружие, а также большое количество мумий и скелеты аборигенов Перу. Похожие я видел у Чуди и Мариано де Риверо в “Перуанских древностях”. Позднее я узнал от Антонио Раймонди, что для этого издания были использованы скелеты, находящиеся в музее» [СПбФ АРАН. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 22 об. — 23].

В сопровождении жителя Лимы итальянца Чезаре Лиетти Л.И. Шренк совершил поездку в район Лиматамбо, где на месте древнего кладбища провел археологические раскопки и нашел древнюю мумию в сидячем положении. Для обозначения любых древних кладбищ перуанцы использовали слово «Уаки». Л.И. Шренк отметил: «До сих пор у местных индейцев, особенно, как сообщил мне Раймонди, во внутренних областях Перу, принято спать, сидя на корточках, точно в таком же положении, в каком бывают мумии. По-видимому, и древние жители Перу имели это обыкновение. Это указывает на то, что они считали смерть длительным сном, после которого наступает пробуждение. Подтверждается это и другим обычаем — помещать вместе с умершим оружие и домашнюю утварь. В более поздних погребениях часть находимых глиняных сосудов иногда наполнена чичей, которая в них хорошо сохранилась, так как сосуды были плотно закупорены. <...>

Однако не все склоны Уаки хранят эти реликвии древних перуанцев. На некоторых склонах их либо вовсе нет, или же они не столь многочисленны и попадают лишь случайно. Очевидно, местом погребения служила лишь северная сторона холма. Так, по крайней мере, обстояло дело в посещенной мною и в других Уаках Лиматамбо. Возможно, что такой обычай основывается на

каких-нибудь религиозных верованиях жителей Перу. Северная сторона в южном полушарии является солнечной, и, быть может, поэтому народы, у которых господствовал или просто не отвергался культ солнца, предпочитали хоронить умерших именно на северном склоне холма» [СПбФ АРАН. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 28 об. — 29 об.].

Во время раскопок Л.И. Шренк нашел несколько десятков глиняных сосудов с орнаментом, сделанных в виде фигур людей и животных или их голов, куски материи, в которую были завернуты мумии, ленты и сумки — «мешки из шерсти лам и апиака находимые при мумиях», мотки ниток. Возможно, эти мотки ниток являются «кипу» — узелковым письмом древних инков.

14 апреля 1854 г. фрегат «Аврора» вышел в плавание к Камчатке, берега которой он достиг 19 июня. Переход из Кальяо в Петропавловск-Камчатский оказался очень тяжелым. На судне свирепствовала неизвестная инфекция, от которой погибли 13 человек. В Петропавловске-Камчатском весь экипаж «Авроры» в количестве 196 человек поместили в госпиталь, из них скончались еще 19 человек. После выздоровления Л.И. Шренк переехал в Николаевск-на-Амуре. В письме к А.Ф. Миддендорфу он писал, что его перуанская коллекция упакована в три ящика и готова к отправке в Санкт-Петербург: «В ящиках содержатся перуанские древности: целый скелет, несколько черепов и различные полуистлевшие одеяния, а также утварь древних обитателей Перу — вещи, которые я сам извлек из могилы на Уаке в Лиматамбо; кроме того, в ящиках находится некоторое количество деревянной и глиняной посуды аборигенов Перу, так называемые уакос, которые я имел случай приобрести в Лиме. Я надеюсь, что эти предметы представляют известный антикварно-этнографический интерес» (цит. по: [Лукин 1965: 133]).

В 1854—1856 гг. Л.И. Шренк проводил исследования на Сахалине и в Приамурье, в 1857 г. он вернулся в Санкт-Петербург и занялся обработкой собранных материалов [Шренк 1883—1903]. В 1857 г. Этнографический музей через Л.И. Шренка получил две маски алеутов о. Атка от капитана Российско-Американской компании И.И. Архимандритова. В 1859 г. Л.И. Шренк передал свое собрание перуанских древностей в Этнографический музей (№ 42). Кроме археологических находок, в ее состав вошли вещи, которые собиратель приобрел в Лиме, — это деревянные кубки

и сосуды. Директор музея академик А.А. Шифнер сразу же опубликовал ее описание в «Бюллетене историко-филологического отделения Академии наук» [Schiefner 1859]. Кроме Л.И. Шренка, в 1853–1854 гг. научные исследования в Южной Америке провел еще один сотрудник ИАН — ботаник Карл Иванович Максимович (1827–1891). Он совершил плавание на фрегате «Диана» под командованием С.С. Лесовского, во время которого посетил Рио-де-Жанейро и Вальпараисо. К.И. Максимович занимался сбором только ботанических коллекций.

* * *

Таким образом, можно говорить о целенаправленной деятельности ИАН в первой половине XIX в. по проведению экспедиционных исследований за границей. На территории Америки участники академических экспедиций собрали колоссальный фактический материал по ботанике, зоологии, минералогии и другим наукам. Отечественные ученые, основываясь на этом материале, внесли значительный вклад в развитие вышеназванных наук. Однако представляется, что самый большой вклад участники академических экспедиций внесли в этнографию. Ботанические, зоологические, минералогические, ихтиологические коллекции можно собрать и в настоящее время, чего не скажешь об этнографических коллекциях. За прошедшие 150–200 лет традиционная культура коренных народов Америки кардинально изменилась, а некоторые народы, среди которых русские ученые проводили исследования, уже не существуют. Этнографические коллекции и отрывочные документальные свидетельства — это все, что сегодня известно об их культуре.